

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Целыковский А.А., Полякова И.П., Яшина К.А. «Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)» // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76800 EDN: GQGOSY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76800

«Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)»

Целыковский Алексей Андреевич

ORCID: 0000-0002-2442-5463

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии и социальных коммуникаций; Липецкий государственный технический университет

398055, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Московская, 30

[✉ alts1085@mail.ru](mailto:alts1085@mail.ru)

Полякова Ирина Павловна

ORCID: 0000-0003-4213-3680

доктор философских наук

профессор; кафедра философии и социальных коммуникаций; ФГБОУ ВО "Липецкий государственный технический университет"

398055, Россия, г. Липецк, ул. Московская, д.30

[✉ polyakova_ip@stu.lipetsk.ru](mailto:polyakova_ip@stu.lipetsk.ru)

Яшина Кристина Александровна

ORCID: 0009-0008-8042-1871

младший научный сотрудник; Научно-исследовательский институт; ФГБОУ ВО "Липецкий государственный технический университет"

398055, Россия, г. Липецк, ул. Московская, д.30

[✉ yashina_ka@stu.lipetsk.ru](mailto:yashina_ka@stu.lipetsk.ru)

[Статья из рубрики "Политическая философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76800

EDN:

GQGOSY

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2025

Дата публикации:

23-11-2025

Аннотация: Объектом исследования является политический габитус как устойчивая система диспозиций, формирующихся в повседневных практиках через ритуалы и дискурс. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмыслиения сложных и противоречивых процессов в российской социально-политической жизни. При этом ключевую роль в механизме формирования габитуса в повседневной сфере играют три взаимосвязанных элемента: современное мифотворчество, ритуалы и дискурсивные практики. Через их призму в статье исследуется, как латентные политические установки и ценности транслируются и закрепляются в массовом сознании. В исследовании данные процессы анализируются на примере возвращения советского наследия в российскую социально-политическую практику. В современных условиях специфика этих процессов заключается в активной мобилизации символического капитала советской эпохи для легитимации текущего политического порядка и консолидации общества. Таким образом, предметом анализа выступают механизмы конструирования данного габитуса через триаду «миф-ритуал-дискурс», исследуемые на материале рецепции советского наследия. Теоретико-методологической основой статьи служит концепция габитуса П. Бурдье, а также подходы к изучению политической мифологии и перформативных практик. Научная новизна исследования заключается в предложенном аналитическом инструментарии, который позволяет рассматривать конструирование политического габитуса не через призму институциональной политики, а сквозь триаду «миф-ритуал-дискурс» в повседневных практиках. На примере рецепции советского наследия наглядно продемонстрировано, как происходит реактуализация мифологем и ритуалов прошедшей эпохи. Основные выводы работы свидетельствуют, что символический капитал советского периода активно используется в современной России для формирования целостного политического габитуса. Анализ показывает, что именно через рутинизированные повседневные практики – такие, как использование специфической лексики, участие в ритуалах или потребление медиапродукции – массовое сознание усваивает ключевые политические диспозиции. Таким образом, миф, ритуал и дискурс выступают ключевыми механизмами инкорпорации «советского» как неотрефлексированной схемы восприятия и действия в структуры современного политического сознания и поведения.

Ключевые слова:

политический габитус, миф, мифотворчество, ритуал, дискурс, повседневность, символический капитал, власть, идентичность, СССР

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00610 «Мифологизация советского прошлого в современном российском обществе: актуальные медийные практики и возможные социальные эффекты».

Введение

Современный российский политический ландшафт в значительной степени строится на интенсивной мобилизации символических ресурсов прошлого. В этом процессе символический капитал советской эпохи занимает центральное место, выступая мощным инструментом легитимации и консолидации. Однако ключевой вопрос заключается не в самом факте мобилизации, а в том, каким образом устойчивые исторические нарративы транслируются на уровне индивидуального сознания и повседневного поведения, формируя устойчивые политические диспозиции.

Данное исследование посвящено изучению специфики этого механизма – конструированию политического габитуса через усвоение советского наследия в повседневных практиках. В рамках исследования выдвигается гипотеза, что основными каналами такой трансляции выступают взаимосвязанные процессы мифотворчества, ритуализации и дискурсивных практик. На примере реактуализации таких мифологем, как «великая держава» или «социальная справедливость», мы проследим, как данные абстрактные концепции обретают воплощение в публичных церемониях и повседневных дискурсах, становясь частью «естественного» мировоззрения.

Таким образом, объектом данного исследования выступает политический габитус как система устойчивых диспозиций, формирующихся в пространстве повседневности. Предметом исследования являются конкретные механизмы конструирования данного габитуса – миф, ритуал и дискурс – в контексте реактуализации советского символического капитала в современной России.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления сложных процессов реидеологизации и поиска оснований для коллективной идентичности в современном российском обществе, где обращение к советскому наследию стало ключевым ресурсом легитимации.

Методологическую основу исследования составляет теория П. Бурдье (габитус, поле, символический капитал), а также концепции современной мифологии (Р. Барт, Ю.М. Лотман), культурной памяти (Я. Ассман) и ностальгических дискурсов (С. Бойм). Это позволяет рассмотреть политическое не как исключительно институциональную сферу, но и как неотъемлемый элемент повседневных практик.

Научная новизна заключается в предложенном аналитическом инструментарии, который позволяет проследить, как триада «миф-ритуал-дискурс» функционирует как единый операционный механизм по инкорпорации исторического символического капитала в структуры современного политического сознания на уровне повседневности.

Теоретико-методологические основания анализа политического габитуса

Прежде всего, остановимся подробнее на концепции П. Бурдье. Габитус в социологии П. Бурдье представляет собой систему материальных и мыслительных диспозиций, приобретаемых через социализацию в конкретных условиях (через класс, профессию, образование). П. Бурдье писал: «габитусы – системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, то есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления» [\[4, с. 44\]](#)

Понятие «социальное пространство» у П. Бурдье представляет собой многомерную

систему распределения агентов и групп, структурированную по объемам и сочетаниям различных форм капитала (экономического, культурного, социального, символического). При этом П. Бурдье акцентирует внимание на том, что это пространство одновременно объективно (существует независимо от воли агентов) и субъективно (воспринимается через категории мышления). Он подчеркивает, что социальное пространство – это пространство социальных позиций [5].

У П. Бурдье «позиция» интерпретируется как сложный синтез объективного места в социальной иерархии и субъективного способа его освоения, где внешние детерминанты (объем и структура капиталов) преломляются через внутренние диспозиции габитуса. Стоит отметить, что позиция – это не статичная точка в социального пространства, а динамическое соотношение сил, постоянно воспроизводимое через практики агентов и их стратегии накопления.

Концепция поля (политического, культурного, научного) раскрывает автономную логику различных социальных сфер, где те или иные агенты борются за влияние. Ключевая особенность теории П. Бурдье – демонстрация того, как социальные иерархии воспроизводятся через повседневные практики, образовательные системы и культурные предпочтения, создавая видимость естественного порядка.

Политическое поле, в свою очередь, предстает как арена борьбы за символическую власть, где ключевым ресурсом является легитимность. Эта борьба ведется не в абстрактной сфере, а через конкретные механизмы: дискурсивные практики, которые устанавливают легитимные проблемы и категории; ритуалы (как официальные, так и повседневные), закрепляющие иерархии и членство в группе; и политическое мифотворчество, которое можно рассматривать как мощный инструмент создания и накопления символического капитала.

Таким образом, власть в теории П. Бурдье осуществляется не столько через прямое принуждение, сколько через символические механизмы классификации и наименования, которые, пронизывая повседневность, делают социальный и политический порядок самоочевидным. Ключевая особенность его подхода – демонстрация того, как через эти, казалось бы, обыденные практики воспроизводится и легитимируется социальный порядок.

Концепция габитуса П. Бурдье неразрывно связана с повседневностью, поскольку именно в ее пространстве происходит формирование и постоянное воспроизведение этой системы диспозиций. Сама же повседневность является частью социальной реальности, определенной целостностью духовно-ментального и материального, необходимым условием общественной жизни, которая разворачивается в социальном пространстве и времени в сферах быта, труда и досуга с помощью различных видов деятельности.

Повседневность формируется в динамике традиций и новаций, механизм взаимодействия которых фундаментально влияет на конструирование пространства социального бытия [9]. Повседневность существует в границах частного и публичного пространства и времени, существенно различаясь своей открытостью в пределах жизненного мира. Личностное бытие и бытие общественное связаны теснейшим образом. Эта связь выражается включенностью человека в систему общества в качестве полноправного его члена, живого органа, свободно и творчески решающего задачи, порученные ему системой. Можно сказать, что повседневность является неотъемлемым атрибутом социального бытия в целом, она гетерогенна и пронизана коммуникацией на всех уровнях взаимодействия со средой и детерминирована экономической, культурной,

политической сторонами социального бытия, исторически изменчивая и представляющая собой сплав природных, коммуникативных и общественных структур.

Можно сказать, что повседневность является тем полем, где внешние социальные структуры через механизмы, описанные П. Бурдье, инкорпорируются индивидом, превращаясь в «естественные» и нерефлексируемые способы восприятия и действия. То есть влияние политического габитуса на практики повседневности достаточно велико. Во всех сферах повседневного бытия они представлены в виде мировоззренческих установок, базирующихся на политической мифологии и ритуальных практиках.

Как уже было сказано, современная мифология играет ключевую роль в формировании символического капитала и конструировании политического габитуса. Характерная особенность современной политической мифологии заключается в том, что мифы трансформируют историю, маскируя идеологические установки под «очевидные» истины. Например, один из первых исследователей современных мифов Ролан Барт отмечал: «Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом» [\[2, с. 295\]](#). То есть, Р. Барту утверждал, что мифом может стать фактически любой дискурс. В повседневном сознании этот процесс приводит к натурализации мифа, когда специально сконструированные смыслы (например, риторика о «возрождении традиций» или «особом пути») воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и не требующее критической рефлексии. То есть миф формирует символический капитал, превращая идеологию в повседневные дискурсивные и ритуальные практики.

Подобно Р. Барту Ю.М. Лотман рассматривал миф в качестве семиотического механизма, организующего культурное пространство через бинарные оппозиции («свой-чужой», «сакральное-профанное» и т.д.). В его концепции «семиосферы» мифы выступают как «тексты культуры», которые структурируют коллективное сознание, создавая общий язык символов [\[8\]](#). То есть в повседневном сознании политические и социальные явления начинают восприниматься сквозь призму мифологических архетипов и универсальных культурных сценариев, что делает их интуитивно понятными и эмоционально заряженными. Соответственно, мифология в теории Ю.М. Лотмана обеспечивает семиотическое единство культуры, переводя многомерные процессы в простые и воспроизводимые в повседневной коммуникации символические коды.

Таким образом, современную мифологию можно определить, как совокупность рационализированных и выраженных в символической форме традиционных мифов, конструируемых и воспроизведимых в рамках какой-либо идеологической программы или дискурса. Транслируемые мифами идеи и ценности, программируют определенное социальное поведение и формируют устойчивые мировоззренческие стереотипы, которые, в свою очередь, постепенно становятся значимыми составляющими национальной идентичности.

В целом можно сказать, что миф является основой коллективной идентичности. Об этом, в частности, говорил Я. Ассман. По его мысли: «Миф – это обосновывающая история, историю, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [\[1, с. 55\]](#). На уровне официального идеологического дискурса, согласно Я. Ассману, миф формирует «культурную память» – устойчивый набор образов и нарративов, которые воспроизводятся через ритуалы, символы и язык, создавая чувство коллективной принадлежности. На повседневном уровне – «коммуникативную память», представляющую собой живую, неформализованную память, передаваемую через межличностное общение (разговоры в семье, воспоминания старших поколений,

бытовые практики и традиции). Говоря о коммуникативной памяти и ее значении в процессе конструирования политического габитуса в повседневных практиках, следует подробнее остановиться на понятии семейной памяти.

Семейная память как форма коллективной (коммуникативной) памяти представляет собой совокупность воспоминаний внутри семьи или близкого круга родственников, охватывающая, как правило, несколько поколений и определяющая контекст воспоминаний индивида семьи или близкого круга родственников, охватывающая, как правило, несколько поколений и определяющая контекст воспоминаний индивида [10].

Семейная память служит ключевым каналом передачи неофициальных исторических нарративов и ценностных ориентаций, которые формируют базовые диспозиции индивида. Через личные истории, оценки прошлых событий и транслируемые в быту модели интерпретации реальности она закладывает основу политического сознания. В процессе повседневного общения усваиваются не только конкретные факты, но и схемы их осмыслиения – например, отношение к власти, представления о справедливости или степень доверия к институтам. Семейная память инкорпорируется в габитус как система «естественных» установок, предопределяющих способ взаимодействия индивида с политическим полем.

Таким образом, политический габитус конструируется в повседневности через неразрывную связь трех ключевых механизмов. Миф предоставляет легитимирующие нарративы, которые натурализуются в сознании. Дискурс служит средством постоянного воспроизведения и актуализации этих мифологических конструкций в языке. Ритуал (включая повседневные и семейные практики) обеспечивает практическое закрепление диспозиций, переводя абстрактные идеи в устойчивые схемы восприятия и действия. Исходя из этого можно заключить, что повседневность выступает основным полем, где внешние политические структуры через эти механизмы инкорпорируются индивидом, формируя габитус.

Советское наследие как символический капитал в современной России

Процесс возвращения советского наследия в российскую политическую практику является ярким примером, демонстрирующим то, как мифологемы прошлого актуализируются в современном политическом дискурсе, наполняясь новым идеологическим содержанием. Через публичные ритуалы и повседневные практики эти мифы инкорпорируются в габитус, формируя устойчивые диспозиции восприятия власти и коллективной идентичности. Это позволяет проследить, как символический капитал исторической эпохи преобразуется в инструмент легитимации текущего политического порядка через механизмы повседневности.

В последнее десятилетие российская социально-политическая сфера характеризуется активным обращением к советской истории. На смену политике десоветизации политического пространства, последовавшей вслед за распадом СССР, пришли противоположные тенденции. Элементы советского символического капитала систематически включаются в идеологическую и мифотворческую практику.

В постсоветской России не сложился целостный политический габитус в силу резкого разрыва с советской системой ценностей и символов, которая десятилетиями формировалась диспозиции. Идеологический вакуум 1990-х годов и политика десоветизации привели к кризису идентичности и фрагментации коллективного сознания, лишенного объединяющего «мифа основания». Возвращение советского символического капитала было призвано заполнить данный пробел, так как советская

эпоха представляла собой готовый набор мифологем и ритуалов, способных быстро легитимировать новый политический порядок. Этот процесс позволил реактуализировать уже существующие в коммуникативной и семейной памяти диспозиции, придав им новое идеологическое содержание и интегрировав их в современный официальный дискурс для консолидации общества.

То есть с начала 2000-х годов политическое руководство стремилось выстроить единый исторический нарратив, в котором советскому периоду отводилось одно из центральных мест. В официальном дискурсе и медиасреде это проявляется в системном конструировании образа СССР как эпохи героических достижений, социальной справедливости и геополитического могущества, что достигалось за счет селекции позитивных символов.

Одним из социальных феноменов, описывающих процесс возвращение советского символического капитала на уровне повседневного сознания, является феномен ностальгии. В определенной степени ностальгию можно трактовать как разновидность мифотворчества. При этом следует разграничивать различные виды социального феномена ностальгии. Русско-американская исследовательница С. Бойм писала о том, что настальгия проявляется в двух формах – рефлексирующей (критической) и реставрирующей. Реставрирующая ностальгия стремится к воссозданию мифологизированного прошлого в социально-политической практике. Данный тип характерен для государственных институтов, эксплуатирующих советские символы (например, риторика о «возрождении СССР» или процесс восстановления советских практик). Рефлексирующая ностальгия, напротив, допускает критику и иронию, осмысливая прошлое как сложный, незавершенный опыт. Рефлексирующая ностальгия в большей степени характерна для медиасреды и повседневного сознания. По мысли С. Бойм: «Реставрирующая ностальгия проявляет себя в тотальной реконструкции монументов прошлого, в то время как рефлексирующая ностальгия тяготеет к руинам, патине времени, мечтам об иных местах и других эпохах» [\[3, с. 120\]](#).

На уровне повседневного сознания ностальгия выступает мощным психологическим механизмом, который облегчает внедрение официальных мифологем, превращая их в лично значимые переживания. Рефлексирующая ностальгия, доминирующая в частной сфере, создает эмоционально насыщенную почву – личные воспоминания, семейные истории, ностальгию по «уверенности в завтрашнем дне». Эта почва затем активно используется реставрирующей ностальгией официального дискурса, которая предлагает готовые, очищенные от противоречий образы прошлого. То есть личные, часто аполитичные чувства утраты и тоски встраиваются в поддерживаемые государством ритуалы и дискурсы, что способствует бессознательному принятию и усвоению обновленного политического габитуса, основанного на советском символическом капитале.

Семейная память служит ключевым проводником ностальгических настроений, переводя абстрактные официальные мифологемы в плоскость личного, эмоционально пережитого опыта. Через рассказы старших поколений о советской повседневности (стабильности, трудовых подвигах, общем быте) формируется эмоциональный фундамент реставрирующей ностальгии, придающий официальным ритуалам и символам личную значимость. При этом семейные нарративы часто носят амбивалентный характер, сочетая критику системы (рефлексирующая ностальгия) с теплотой воспоминаний, что делает усвоение советского символического капитала в новом контексте более органичным и менее конфликтным для повседневного сознания.

Механизмы конструирования габитуса: анализ конкретных практик

В современном российском политическом и медиа дискурсе конструирование политического габитуса осуществляется через системную мифологизацию советского прошлого, реализуемую в формате рефлексирующей ностальгии. Телепроекты («Старая квартира», «Какие наши годы», «Лучшие годы нашей жизни» и т.д.), многочисленные интернет-сообщества («Однажды в СССР», «Мы из СССР – Вспомним лучшее», «СССР Ностальжи – как это было...» и т.д.) создают идеализированные репрезентации повседневности, где акцент на личных воспоминаниях и эмоциональных деталях маскирует идеологическую составляющую. Этот дискурс, избегая противоречий, трансформирует коллективную травму распада СССР в позитивный символический капитал, который принимается аудиторией через узнаваемые образы и ритуалы (советские песни, атрибутика быта).

В дальнейшем в российскую социально политическую жизнь были возвращены уже конкретные советские практики. Например, возвращение советских наградных практик, выступающее выступает эффективным ритуальным механизмом реактуализации символического капитала труда и материнства. Учреждение званий «Герой Труда» (2013) и «Мать-героиня» (2022) воспроизводит не только советскую символическую атрибутику, но и связанные с ней дискурсивные конструкции – прославление коллективного труда и традиционной семьи как основы государственности. Церемонии награждения, приуроченные к советскому по происхождению празднику Дню труда, выполняют функцию легитимирующего ритуала, связывая текущую политику с героизированным прошлым. Через эти практики формируется габитус социального признания, где лояльность системе естественно ассоциируется с советскими моделями поощрения, интегрируя исторические диспозиции в современные условия.

Еще одним примером может послужить созданное в 2022 году (в столетие всесоюзной пионерской организации) «Движение первых». Организация представляет собой яркий пример ритуализированного заимствования советского символического капитала. Патриотическое воспитание как ключевая задача движения воспроизводит дискурсивные конструкции советской эпохи, легитимируя преемственность ценностей. Само позиционирование движения как «наследника» пионерской организации актуализирует миф о непрерывной традиции государственной заботы о молодежи, интегрируя исторические диспозиции в современный контекст формирования политического габитуса.

Центральным нарративом постсоветской политической мифологии, конструирующими политический габитус, стала Победа в Великой Отечественной войне. Как отмечают российские исследователи: «В современных условиях он фактически обрел статус главного праздника, предоставив власти неограниченные возможности в интерпретации своей символики» [6, с. 25]. Празднование Дня Победы, превратившееся в главное политическое событие года, выполняет функцию легитимирующего механизма, связывая современность с сакрализованным прошлым. Как замечает по этому поводу Н.Е. Копосов: «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [7, с. 163]. Через ритуализацию Победы в повседневное сознание инкорпорируются диспозиции, связывающие национальную идентичность с образом героического государства-победителя, что напрямую влияет на формирование восприятия легитимности внешней и внутренней политики. На повседневном уровне семейная память о Великой Победе становится каналом трансляции неофициального, эмоционально насыщенного исторического опыта, где личные семейные истории формируют уважение к

символике подвига.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что конструирование политического габитуса в современной России осуществляется через системную реактуализацию советского символического капитала, где ключевую роль играет триада «миф-ритуал-дискурс». Пример советского наследия демонстрирует, как масштабные идеологические конструкции транслируются на уровень повседневности, приобретая форму узнаваемых мифологем («великая держава», «социальная справедливость»), публичных ритуалов (День Победы, трудовые награды) и ностальгического медиадискурса. Особую значимость в этом процессе имеет семейная память, выступающая эмоциональным проводником, который превращает официальные нарративы в личностно значимые переживания.

Включение советских диспозиций происходит не через прямое идеологическое давление, а через их натурализацию в повседневных практиках, где они начинают восприниматься как естественная основа коллективной идентичности. Таким образом, повседневность подтверждает свою роль как основного поля формирования габитуса, где исторические символы, будучи вплетенными в ткань обыденной жизни, обеспечивают легитимацию текущего политического порядка и воспроизведение соответствующих ему схем поведения.

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 364 с.
2. Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во Академический проект, 2008. – 352 с.
3. Бойм С. Будущее ностальгии. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 680 с.
4. Бурдье П. Практический смысл. – М.: Алетейя, 2001. – 560 с. EDN: QOGTMH
5. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Алетейя, 2017. – 576 с.
6. Гигаури Д.И., Гуторов В.А. Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 2. С. 24-45. EDN: ZRKNOP
7. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
9. Полякова И.П. Повседневность как объект научного познания // Философия и культура. 2019. № 2. С. 24-37. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.2.29185 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29185
10. Целыковский А.А. Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти // Философская мысль. 2024. № 10. С. 1-11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.10.72095 EDN: ZBJIBD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72095

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)»

В рецензируемой статье автор не формулирует так, как это определяется в требованиях к оформлению научных статей, основные положения социально-философского исследования (объект, предмет, методологию, актуальность и научную новизну) и не выделяет основные структурные элементы статьи (введение, основная часть, заключение). Тем не менее в тексте статьи соблюдается определенная последовательность и достаточно высокий научно-методологический уровень социально-философского исследования. Исходя из названия статьи и содержания работы предмет исследования — конструирование политического габитуса в повседневных практиках современности с помощью триады «миф, ритуал, дискурс» на примере советского наследия. В процессе социально-философского анализа автору удается исследовать данную проблематику и продемонстрировать, что «современный российский политический ландшафт в значительной степени строится на интенсивной мобилизации симвлических ресурсов прошлого».

Методология исследования опирается на разнообразные методы и принципы философского исследования социальной действительности, общественного и индивидуального сознания и развития современного российского общества. В частности используется ретроспективный метод, критическая рефлексия и компаративный анализ темы исследования. Однако, в тексте статьи автор не представил методы собственного исследования.

Актуальность темы исследования статьи не вызывает сомнения и определяется в частности тем, что обсуждаемые социально-философские проблемы конструирования политического габитуса представляются элементами не только научной теории, но и предметом повседневных практик в современном обществе. В этой связи автором статьи обоснованно отмечается, что в современных условиях символический капитал советской эпохи занимает центральное место, выступая инструментом легитимации и консолидации; при этом основной проблемой является то, каким образом «устойчивые исторические нарративы транслируются на уровне индивидуального сознания и повседневного поведения, формируя устойчивые политические диспозиции». Однако, в тексте статьи автор отдельно не выделяет актуальность темы своего исследования.

Научная новизна данной работы автором статьи также отдельно не прописывается, тем не менее элементы новизны могут быть представлены в собственно попытке провести критическую рефлексию категорий «миф», «ритуал» и «дискурс» в пространстве политической и социальной философии; в попытке обосновать гипотезу, что основными каналами трансляции выступают взаимосвязанные процессы мифотворчества, ритуализации и дискурсивных практик. Кроме того, автор пытается по-новому «вскрыть специфические механизмы инкорпорации исторического символического капитала в структуры современного политического сознания».

Несмотря на общее позитивное впечатление и определенные достоинства данного социально-философского исследования (логичность повествования, концептуальность, обоснованность выводов и другое) в статье имеются некоторые погрешности. Например, автор в тексте (начиная с первой страницы) приписывает неодушевленным предметам активность. «Концепция поля...раскрывает...», «Политическое поле...предстает как...» и так далее. Но поле — это не человек (субъект), поэтому оно ничего делать не может. Правильно говорить «В концепции поля...раскрывается..», «Политическое поле...

представляется как...» и тому подобное. Далее автор часто неуместно использует предлог «по» («По Барту...», «По Лотману» и так далее). Правильно говорить «Барт отмечает...» или «В теории Лотмана...». Также есть замечание относительно ссылок в тексте. В ссылках часто отсутствуют страницы цитирования. Например, в ссылках на цитаты Бурдье нет страниц. Кроме того, в списке литературы работы расположены не по алфавиту. Впрочем эти комментарии имеют больше рекомендательный характер. Основное замечание заключается в том, что автор не сформулировал основные положения исследования (объект, предмет, методологию, актуальность и научную новизну) и не выделил основные структурные элементы (введение, основная часть, заключение).

Стиль данной статьи — научный, автор демонстрирует достаточно высокий уровень владения социально-философской терминологией.

Структура работы отличается логичностью, однако в тексте не содержатся все необходимые разделы. Содержание статьи непротиворечиво, выводы обоснованы и согласуются с аналитической частью работы.

Библиография оформлена согласно предъявляемым требованиям и полностью соответствует содержанию статьи.

Апелляция к оппонентам в работе отсутствует, автор излагает собственную концепцию социально-философского анализа проблемы.

Содержание статьи может представлять определенный интерес для специалистов в сфере современной политической и социальной философии, исследователей общественно-политического сознания и повседневных практик, преподавателей социально-гуманитарных предметов и всех интересующихся проблемами конструирования политического габитуса.

Таким образом, в целом статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Однако, требуются незначительные корректировки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Миф, ритуал, дискурс: механизмы конструирования политического габитуса в повседневных практиках (на примере советского наследия)»

В рецензируемой статье автор формулирует так, как это определяется в требованиях к оформлению научных статей, основные положения социально-философского исследования (объект, предмет, методологию, актуальность и научную новизну) и выделяет основные структурные элементы статьи (введение, основная часть, заключение). В тексте статьи соблюдается определенная последовательность и достаточно высокий научно-методологический уровень социально-философского исследования. Исходя из названия статьи и содержания работы предмет исследования — конструирование политического габитуса в повседневных практиках современности с помощью триады «миф, ритуал, дискурс» на примере советского наследия. В процессе

социально-философского анализа автору удаётся исследовать данную проблематику и продемонстрировать, что «современный российский политический ландшафт в значительной степени строится на интенсивной мобилизации символических ресурсов прошлого».

Методология исследования опирается на разнообразные методы и принципы философского исследования социальной действительности, общественного и индивидуального сознания и развития современного российского общества. В частности используется ретроспективный метод, критическая рефлексия и компаративный анализ темы исследования. Однако, в тексте статьи автор не представил методы собственного исследования.

Актуальность темы исследования статьи не вызывает сомнения и определяется в частности тем, что обсуждаемые социально-философские проблемы конструирования политического габитуса представляются элементами не только научной теории, но и предметом повседневных практик в современном обществе. В этой связи автором статьи обоснованно отмечается, что в современных условиях символический капитал советской эпохи занимает центральное место, выступая инструментом легитимации и консолидации; при этом основной проблемой является то, каким образом «устойчивые исторические нарративы транслируются на уровне индивидуального сознания и повседневного поведения, формируя устойчивые политические диспозиции».

Научная новизна данной работы представлена в собственно попытке провести критическую рефлексию категорий «миф», «ритуал» и «дискурс» в пространстве политической и социальной философии; в попытке обосновать гипотезу, что основными каналами трансляции выступают взаимосвязанные процессы мифотворчества, ритуализации и дискурсивных практик. Кроме того, автор пытается по-новому «вскрыть специфические механизмы инкорпорации исторического символического капитала в структуры современного политического сознания».

Несмотря на общее позитивное впечатление и определенные достоинства данного социально-философского исследования (логичность повествования, концептуальность, обоснованность выводов и другое) в статье имели место некоторые погрешности, которые после доработки статьи были устранено автором. Впрочем эти комментарии носили рекомендательный характер.

Стиль данной статьи — научный, автор демонстрирует достаточно высокий уровень владения социально-философской терминологией.

Структура работы отличается логичностью, однако в тексте не содержатся все необходимые разделы. Содержание статьи непротиворечиво, выводы обоснованы и согласуются с аналитической частью работы.

Библиография оформлена согласно предъявляемым требованиям и полностью соответствует содержанию статьи.

Апелляция к оппонентам в работе отсутствует, автор излагает собственную концепцию социально-философского анализа проблемы.

Содержание статьи может представлять определенный интерес для специалистов в сфере современной политической и социальной философии, исследователей общественно-политического сознания и повседневных практик, преподавателей социально-гуманитарных предметов и всех интересующихся проблемами конструирования политического габитуса.

Таким образом, в целом статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

